

Политическое развитие Латвии в 20 веке: от «демократии взглядов» и авторитаризма к «демократии денег»

Uldis KRĒSLIŅŠ

Institute of Latvian History at the University of Latvia

Ключевые слова: политическая демократия, политическое участие общества, демократия как ценность и условность.

На фоне общего развития политической демократии 20 века исторический опыт Латвии представляет особый случай, имеющий два аспекта.

Во-первых, Латвия в 20 веке приходила к политической демократии дважды.¹ В первый раз это произошло в 1918 году, когда была провозглашена независимая Латвийская Республика. Данный опыт демократии продолжался 16 лет до 1934 года, когда Карлис Ульманис (*Kārlis Ulmanis*) совершил переворот, в результате которого был установлен авторитарный режим. С этого момента Латвия отошла от традиции политической демократии. Во второй раз Латвия вернулась к политической демократии спустя 57 лет – после восстановления государственной независимости в 1991 году. В обоих случаях латвийская демократия в силу определённых обстоятельств следовала общим принципам демократии западных стран², и в данном смысле опыт политической демократии Латвии можно рассматривать как отражение, как концентрированный срез более общих принципов западной демократии. И именно частичность латвийского опыта делает его особенно интересным: в то время, когда развитие демократии в западных странах представлялось непрерывным процессом и в следствие этого изменения там казались последовательными и обоснованными, менее заметными, в

¹ В данном случае имеется в виду Латвия как самостоятельное независимое государство. Первый опыт политической демократии обществу Латвии дало участие в выборах и в работе Российских Государственных дум (1906–1917), однако этот опыт был весьма ограниченный и по форме, и по содержанию. Подробнее о выборах и участии в работе Государственных дум см.: Šalda, *Ūdre* 1988, 208.

² Одним из таких обстоятельств в обоих случаях было стремление правящих кругов как можно быстрее получить признание западных стран и стать частью Европейского сообщества. Обычно как ярчайший пример следования латвийской демократии общим принципам демократии западных стран упоминается принятая в 1922 году конституция Латвии, которая писалась посредством перечитывания и ссылок на западные конституции. См., например: Šilde 1976, 363.

Латвии, в которой отсутствовала данная последовательность, произошедшие перемены в характере демократии видны более четко.

Второй аспект, который делает опыт латвийской демократии уникальным, заключается в том, что в обоих случаях: и в республике 1918 года, и после восстановления независимости в 1991 году – форму демократического строя определяла та же самая конституция 1922 года, то есть развитие демократии происходило в тех же законодательных рамках,³ что предоставляет отличную возможность для сравнения и анализа политических процессов и их развития.

То обстоятельство, что демократия Латвии в обоих случаях развивалась в рамках одной конституции, является отправной точкой в наших суждениях. Справедливо было бы предположить, что если законодательная основа одинаковая, то и развитие общества и демократии будут иметь аналогичные черты и тенденции, однако в реальности так не произошло. Сегодня и в политике правящих кругов, и в политических настроениях и активности общества, также, как и в самом восприятии и отношении к демократическим ценностям, мы можем заметить качества и проявления, которые существенно отличаются от процессов 1920–1930 годов. Из этого следует вывод, что в конкретном реальном содержании демократии определяющее значение имеют не формальные нормы демократии, а нечто другое – то, что можно определить, как волю и готовность правящих кругов и общества реализовать данные нормы. По названной причине при анализе процесса развития демократии в 20 веке через призму латвийского опыта необходимо изучить конкретные политические решения и поступки, характеризующие отношение Правительства и общества к демократии.

Для латвийской демократии с 1918 по 1934 год было характерно стремление и Правительства, и общества к укреплению и утверждению демократии. В политике Правительства оно наиболее ярко проявлялось в социальной политике при решении не только конкретных социальных задач, но и при достижении определённой политической цели: максимально быстрого расширения среднего слоя общества как основного оплота демократических идей и настроений и тем самым уменьшения симпатий общества к левым идеям.⁴ Именно с данной целью Правительство Латвии уже в 1918 году заявило о готовности провести аграрную реформу, что спустя два

³ После восстановления независимости в 1991 году в Конституцию Латвии были внесены определенные поправки (например, каденция Парламента одного созыва и президента увеличена с трёх до четырёх лет, возрастной ценз избирателей изменён с 21 года на 18 лет), но данные поправки имеют скорее технический характер, не затрагивают сути Конституции.

⁴ После тяжёлых рождественских боёв, которые закончились в январе 1917 года и в которых латышские стрелки понесли большие и бессмысленные потери, среди латышской резко усилились левые настроения, и на всех основных состоявшихся после Февральской революции в 1917 году выборах в Латвии уверенное большинство получили левые партии. Подробнее о выборах 1917 года см.: *Ezergailis* 1991, 9–10.

года было законодательно закреплено.⁵ Это же стремление к укреплению демократических настроений просматривалось и в других актах социального законодательства.⁶

Стремление к утверждению демократии проявлялось в общественно–политических процессах в разных формах и аспектах, наиболее ярко – в активном политическом участии общества, в многообразии политических взглядов и идей через многочисленные периодические издания и, наконец, в ответственном подходе и общественности, и политических партий к депутатскому составу и к работе представительских институтов.

Уже на первых выборах Парламента в 1922 году были представлены списки кандидатов 31 партии и политического объединения (*Saeima* 1923, 9–10). На данных выборах проголосовали 82,2 процента избирателей (*Ibid.*, 9). Впоследствии на каждых последующих выборах количество списков кандидатов стремительно росло, что вело к раздроблению состава Парламента, однако в то же время это способствовало выражению конкретных интересов отдельных социальных, национальных, конфессиональных или даже локальных групп. Нередко для защиты своих взглядов и интересов общество прибегало и к более активным формам политического участия – от демонстраций до забастовок. Очень важной предпосылкой для воспитания и развития гражданского общества было большое количество периодических изданий: в 1931 году, например, только в Риге выходило 36 газет, из них 25 на латышском языке (*Vīlmanis* 1934, 23). Разнообразие содержания данных периодических изданий, когда наряду с газетами, пропагандировавшими демократические взгляды, выходили и газеты оппозиционные или даже крайне левые и правые, способствовало развитию политического мышления и росту уровня политических дискуссий, тем самым, несомненно, воспитывало общество в борьбе за тираж и читателей. Наконец, не менее существенным обстоятельством, характеризующим отношение общества и политических партий к демократии, явились депутатский состав и культура парламентской работы. В составе первого – избранного в 1922 году – Парламента основную часть народных избранников составили люди с прекрасным образованием, способствовавшим их парламентской работе. Из 62 депутатов с высшим образованием 22 имели юридическое, 12 – экономическое образование (*Saeima* 1923, 20). Если количество депутатов с высшим образованием (62 из 100) на фоне общего числа парламентариев может показаться неубедительным, то

⁵ О готовности решить аграрный вопрос и провести широкие социальные реформы глава Правительства К.Ульманис заявил 18 ноября 1918 года в речи во время акта провозглашения Латвийской Республики. (*Kārlim Ulmanim* 2003, 212). В 1920 году Учредительное собрание приняло три из четырех частей Закона об аграрной реформе.

⁶ Наиболее яркими примерами были принятый в 1920 году Закон о больничных кассах, о котором впоследствии в эмиграции лидер социал–демократов скажет, что Латвия на 35 лет раньше Швеции ввела обязательные больничные кассы, и Закон о 8–часовом рабочем дне для рабочих и об оплачиваемом отпуске, которым Латвия опередила Швецию на 17 лет (*Kalniņš* 1993, 151, 154).

представительство юристов, наоборот, свидетельствует о работоспособности Парламента. В то же время образованность депутатов содействовала не только продуктивной законодательной работе, но и парламентской культуре. В парламентских стенах звучали блистательные речи ораторов, и даже в период острой критики определёнными общественными кругами взглядов отдельных депутатов никто подвергал сомнению интеллектуальный потенциал Парламента.

Всё вышесказанное, равно как и другие проявления и процессы латвийской демократии с 1918 по 1934 год, даёт основание утверждать, что демократия рассматривалась и в политике Правительства, и в отношении общества как определённая ценность. На фоне многочисленных партий и многообразия политических взглядов и идеологических течений демократия представляла одну из альтернатив, которая должна была себя защищать и утверждать в противостоянии с другими политическими альтернативами.

Данные черты латвийской демократии отражали общее состояние и положение политической демократии 1920–1930 годов. Как и в Латвии, так и в западных демократиях в целом демократия представляла одну из политических альтернатив, которая должна была бороться за взгляды и поддержку избирателей. То обстоятельство, что в некоторых странах политическое развитие приводило к отступлению или даже отказу от демократии, только подтверждает данный тезис.

В контексте вышеизложенного о латвийской демократии с 1918 по 1934 год обратимся ко второму опыту демократии, который начался в 1991 году и продолжается по сей день.

В политике Правительства за прошедшие 17 лет трудно найти признаки последовательного стремления утвердить демократические настроения в обществе. Демократия, согласно политике Правительства, – это единственный возможный путь развития, но не по причине того, что демократия способствует благосостоянию, личной инициативе и развитию общества, а просто потому, что Латвия граничит с Россией и российской опасностью,⁷ и демократия в этом смысле подтверждает нашу западную ориентацию. Не отрицая наличия определённой доли правды в подобной аргументации, в то же время мы должны признать, что сегодня она превращена в активно используемую аксиому. Главным в данном случае является то, что в политике Правительства

⁷ В данном случае можно провести очень интересную параллель между опытом латвийской демократии с 1918 по 1934 год и сегодняшней ситуацией. Если в первом случае соседство России служило для латвийского Правительства большим стимулом для быстрого проведения аграрной реформы и широких социальных реформ, то есть, будущее государства и демократии связывалось с настроениями общества и, следовательно, с его благосостоянием, то после восстановления независимости в 1991 году соседство России рассматривается и преподносится Правительством как угроза, «опасность», с которыми следует бороться только пропагандой. Из этого вытекает не менее интересный вывод о том, что в представлении сегодняшних правящих кругов настроения общества зависят не от его благосостояния, а от работы государственных институтов пропаганды.

в настоящее время не прослеживается связи между демократией, с одной стороны, и настроениями и благосостоянием общества, с другой.

Изменилось и отношение общества к демократии и к своей роли и участию в демократических процессах. Единственное проявление активной позиции общества – это выборы Парламента. В первых после восстановления независимости парламентских выборах в 1993 году участвовали 23 партии, за которые проголосовало 89,9% имеющих право голоса избирателей. Эти цифры иллюстрируют надежды общества, однако проблема состояла (и состоит до сих пор) в том, что в восприятии общества парламентские выборы являются не только главной, но и единственной формой политического участия. Вследствие данного представления общественно–политическая жизнь современной Латвии похожа на Олимпийские игры, когда правящие круги и общество раз в четыре года встречаются для участия в выборах и обе стороны убеждены, что этим они выполнили свой гражданский долг перед демократией. Во всём остальном позицию общества можно охарактеризовать как политику невмешательства в дела собственной страны.

За 17 лет демократии единичны случаи социальных протестов общества против политики Правительства – люди скорее готовы покинуть страну, чем бороться за свои права и быть названными «пятой колонной» российских интересов. По сравнению с 1920–1930 годами резко сократилось количество периодических изданий. Их место заняло телевидение. Тем не менее резко сузился спектр политических взглядов и идей, снизился уровень культуры политических дискуссий, а аргументацию сменила пропаганда. Заметны перемены в Парламенте: сегодня привычной стала практика в депутатских креслах видеть актёров, композиторов, спортсменов, присутствие которых плохо способствует законодательной работе Парламента, исчезли яркие политические ораторы, в обществе уже не редки сомнения в интеллектуальном потенциале Парламента.⁸ Иллюстрацией политической культуры стали выборы нынешнего Президента страны, о кандидатуре которого правящие партии договорились на неформальной встрече в Зоологическом саду, в ходе которой была предложена кандидатура врача, который ещё до выборов подозревался в принятии так называемых «благодарностей» от пациентов.

Обобщая вышесказанное, мы можем сделать вывод, что сегодня демократия, согласно отношению к ней Правительства и общества, представляет некую условность, некую абстрактную норму, которая как бы не имеет прямого отношения ни к политической деятельности правящих кругов, ни к состоянию и настроениям общества. Демократия сегодня представляет единственный и безальтернативный политический выбор, и не важно, как в этой демократии живёт и развивается общество.

⁸ Наверное, самым ярким примером характеризующего отношение к народу уровня интеллекта и культуры нынешних народных избранников был «приветственный знак» среднего пальца руки, который в день выборов действующего Президента страны – 31 мая 2007 года – один из депутатов правящей коалиции показал уже после голосования из окна здания Парламента всем собравшимся внизу.

Хотя данная характеристика относится к опыту современной демократии в Латвии, в определённой мере то же самое можно сказать о состоянии демократии сегодня в целом.⁹ Основное различие состоит в том, что в Латвии из-за стремительности перемен и ограниченности правящих кругов данные черты сегодняшней демократии более остро проявляются, тем временем в западных демократиях сдерживающим фактором служат глубокие традиции гражданского общества.

В чем же причина столь резкого и существенного различия между демократией образца 1920–1930 годов и демократией образца начала 21 века?

Объяснение кроется в том отрезке времени, который отделяет эти две демократии, то есть нам следует ответить на вопрос, какое влияние на развитие демократии оказала диктатура 1930 годов, Вторая мировая война и последующие 40 лет «холодной войны».

В данном случае можно выделить две основные проблемы. Первая проблема: Вторая мировая война и последовавшая за ней «холодная война» породили политическую аксиому: демократия – какой бы она ни была – это лучшее, и при необходимости допустимы и оправданны отступления или даже отказ от определённых принципов и норм демократии, если это вызвано неизбежностью противостоять большему злу. В этом берут своё начало многие характеризующие современную демократию черты: готовность лгать и обманывать общество во имя борьбы со злом, стремление контролировать общество во имя его же блага и безопасности, установление двойных стандартов во внешней политике посредством оправдывания друзей и порицания врагов, следование интересам, а не принципам, игнорирование общественного мнения и манипуляция им – и при всём этом способность продолжать декларировать демократию и её ценности. В настоящее время изменился сам смысл понятия демократия, изменились те признаки, проявления и принципы, которые традиционно подразумевались под демократией,¹⁰ То, что сегодня ещё кажется, может быть, неприятной,

⁹ Отметим только одну, но очень примечательную деталь: если демократия 1920–1930 годов озаменована такими политиками, как сэр Уинстон Черчилль (Winston Churchill) и Франклин Делано Рузвельт (Franklin Delano Roosevelt), то демократия конца 20 века породила Джорджа Уокера Буша (George W. Bush). Перефразируя известную сентенцию, можем сказать, что у каждого времени (и у каждой демократии) такие политики, каких оно заслуживает.

¹⁰ В данном контексте приведём два наиболее ярких примера: реакцию европейских стран на результаты парламентских выборов в Австрии в октябре 1999 года, когда на демократических выборах неожиданно большого успеха добилась «неправильная» партия, и принятую уже в нескольких странах Европы практику об уголовной ответственности за высказывание «неправильных» взглядов, вслед за которой и в Парламент Латвии в январе 2007 года был внесён законопроект об установлении уголовной ответственности за публичное отрицание факта оккупации Латвии в 1940 году (M a r g ē v i ģ a 2007). Уже сам факт появления подобного законопроекта показывает, насколько далеко понимание либерализма и демократии отошло сегодня от когда-то известного принципа Вольтера (Voltaire): «Я могу не согласиться с вашим мнением, но готов отдать жизнь за ваше право его выразить».

но вынужденной реальностью и временными издержками демократии, как тенденция ведёт к пугающему будущему.

Вторая проблема, возникшая в результате Второй мировой и «холодной» войн: резко возросшие роль и влияние США на политические процессы в мире. Самое опасное, что американцы принесли в сегодняшнюю демократию, – это агрессивность. Политика компромиссов 1920–1930 годов забыта, под влиянием американцев современная демократия стала агрессивной и готовой к насильственному навязыванию своих идей и представлений о справедливом мире.

Американцы привнесли в демократию ещё одно явление – власть денег. Хотя деньги всегда играли определённую роль в политике и в демократии, они никогда не имели столь большого и определяющего значения, как в настоящее время. Стремление к власти сделало сегодня выборы важнейшей составной демократического процесса, а всё то, что происходит между выборами, объясняется и оправдывается действиями «демократически избранной» власти. Именно по данной причине всё внимание политиков сосредоточено на выборах, и выборы превращаются в соревнование не взглядов и личностей, а в соревнование денег, в соревнование шоуменов, в соревнование PR-компаний. Если мы считаем справедливым говорить, что деньги развращают человека, то почему же это не относится и к демократии? Да, очень возможно и даже вероятно, что в более развитых странах с более глубокими корнями демократических традиций и более сильным чувством достоинства это влияние денег не так сильно и менее значимо, но опыт сегодняшней Латвии, в которой члены нищего общества, вдруг став политиками, оказались не готовы к испытанию деньгами, однозначно показывает, что «демократия денег» резко меняет отношение и политиков, и общества к демократии и оказывает губительное влияние на развитие общества.

Библиография

- Bīlmanis 1934 – Alfreds Bīlmanis, *Latviešu prese cīņā par Latvijas neatkarību*, Rīga.
- Ezergailis 1991 – Andrew Ezergailis, *Esejas par 1917. gadu*, Rīga.
- Kalniņš 1993 – Brūno Kalniņš, *Latvijas Sociāldemokratijas piecdesmit gadi*, Stokholma.
- Ulmanis 2003 – *Kārlim Ulmanim 125*, Rīga.
- Saeima 1923 – “Valsts statistiskā pārvalde”, *Latvijas republikas Saeimas vēlēšanu iznākumi*, Rīga.
- Šalda, Ūdre 1988 – Vitalijs Šalda, Aurora Ūdre, *Latvijas sociāldemokrātija un Valsts dome: 1905-1917*, Rīga.
- Šilde 1976 – Ādolfs Šilde, *Latvijas vēsture: 1914–1940*, Stockholm.
- Margēviča 2007 – Agnese Margēviča, „Grib sodīt okupācijas noliedzējus”, *Neatkarīgā*, 2007, 12. janvāris.

Uldis Krēslinis

Politinē Latvijas evolūcija XX amžijē: nuo „nuomonių demokratijos“ ir autoritarizmo prie „pinigų demokratijos“

S a n t r a u k a

Pagrindiniai žodžiai: *politinė demokratija, visuomenės politinis dalyvavimas, demokratija kaip vertybė ir sąlygotumas.*

Straipsnyje apžvelgiama Latvijos istorinė patirtis XX a. politinės demokratijos evoliucijos fone. Latvijos patirties specifiškumą lemia dvi pagrindinės priežastys. Visų pirma, XX a. Latvija atrado politinę demokratiją du kartus: pirmą kartą tai atsitiko 1918 m., kitą kartą – 1991 m., atkūrusi nepriklausomybę. Antra, abiem atvejais politinės demokratijos ribos buvo apibrėžtos vienos ir tos pačios konstitucijos. Tai sudaro puikias galimybes palyginti politinius procesus bei jų vystymąsi ir juos analizuoti.

Pirmajai politinės demokratijos patirčiai Latvijoje (1918–1934 m.) buvo būdingos tiek vyriausybės, tiek ir visuomenės demokratijos konsolidavimo aspiracijos. Vyriausybės politikoje šios aspiracijos buvo sutelktos į socialinių įstatymų bendrąją plėtrą ir įstatymus, liečiančius agrarinę reformą. Iš kitos pusės, visuomenės nuomonė reikėsi per didelį politinį aktyvumą, didelius periodinių leidinių, atspindinčių įvairius ideologinius principus ir politines nuomones, tiražus ir, pagaliau, per parlamento sudėtį: jį sudarė spalvingos asmenybės, turinčios tinkamą išsilavinimą, kas skatino politinę kultūrą ir gerą parlamento darbą. Visa tai rodo, kad politinė demokratija tiek vyriausybės, tiek visuomenės supratimu, buvo reali politinė vertybė ir viena iš politinių ir ideologinių alternatyvų, kurios reikalavo palaikymo ir paramos.

Jeigu šiame kontekste mes bandytume pažvelgti į antrąją politinės demokratijos patirtį, prasidėjusią Latvijoje 1991 m., tai matytume visai kitokią situaciją. Iš tikrųjų labai sunku surasti bet kokių vyriausybės aspiracijų, kurios būtų susijusios su demokratijos idėja per paskutinius 17 metų. Vienintelis vyriausybės naudojamas politinės demokratijos argumentas yra propagandinis šūkis apie „Rusijos grėsmę“. Visuomenės poziciją per tuos metus būtų galima apibūdinti kaip nesikišimo į nuosavos šalies procesus politiką. Žmonės geriau renkasi emigracijos iš Latvijos kelią, užuot bandę likti joje ir bandyti keisti situaciją.

Kas sąlygojo tokį didelį atotrūkį tarp 1920–1930-ųjų ir dabarties politinės demokratijos patirties? Galime pabrėžti dvi svarbias kliūtis. Visų pirma, Antrasis pasaulinis karas ir vėliau šaltasis karas privertė suabejoti aksioma, kad politinė demokratija yra geriausias politinis modelis, todėl kai kurie nukrypimai nuo demokratijos principų yra leistini. Antra, didelis pinigų vaidmens išaugimas pakeitė kai kuriuos politinės demokratijos bruožus. „Pinigų valdžia“ ir buvo tas veiksnys, kuris pakeitė politikų poziciją ir visuomenės požiūrį į demokratiją.

Uldis Krēsliņš

The political evolution of Latvia in the 20th century: from “a democracy of opinions” and authoritarianism to “a democracy of money”

S u m m a r y

Keywords: *political democracy, political participation of society, democracy as a value and its conventionality.*

The Latvia's historical experience is outlined against the background of evolution of the political democracy in the 20th century at whole. That peculiarity is determined by the two main obstacles. Firstly, Latvia found the political democracy in the 20th century twice: the first time it was in the 1918 and once more in the 1991 after the renewal of the independence. Secondly, in both cases the frames of the political democracy are determined by the one and the same state constitution. It gave an excellent opportunity for comparison and analysis of the political process and its development.

The first experience of the political democracy of Latvia (1918–1934) was characterized by aspirations both the government and the society to consolidate the democracy. In the policy of the government these aspirations focused on the comprehensive social legislation and on the law of agrarian reform. From the other side, the attitude of the society was appeared by the great political activity, by the large number of the periodical issues with different ideological principles and political opinions and finally by the membership of parliament that consist from colorful people with suitable education that stimulated the political culture and the performance of parliament. Above mentioned to show that the political democracy in the understanding both the government and the society was the real political value and one of the political and ideological alternative that demand support.

If in that context we're trying to look at the second experience of the political democracy of Latvia that started in 1991 we detect entirely different situation. It is really difficult to find any aspirations of the government to espouse the idea of democracy in the last 17 years. The only argument for political democracy using by the government is propagandistic slogan about a “Russia threat”. The position of society during the last 17 year could be formulated as a policy of non-intervention in the processes of own state. People rather prefer to walk out from Latvia than to stay and try to change the situation.

What reason called so great disparity between the experience of the political democracy of the 1920-1930ties and the experience of the present-days? We can to stress the two most important obstacles. Firstly, WW2 and Cold war founded axiom that political democracy is the best political model and therefore some deviation from principles of democracy is admissible. And secondly, it is sharp growth of the role of money that changed the features of political democracy. The factor of “money rule” is that that changed the position of the politicians and the attitude of the society toward democracy.

Uldis KRĒSLIŅŠ
Institute of Latvian History at the University of Latvia
[ul.kreslins@sveiks.lt]